

В последнее время в городе Ганьцюань каждый знал, что на рынок пришёл молодой торговец, который отменно рисует. Люди ждали, какие новые диковинные картинки он покажет сегодня, поэтому сильно удивились, когда вместо планшета для рисования он принёс целую корзину яиц.

Кто-то вытянул шею и спросил:

— Молодой господин, а что это ты продаёшь?

Вряд ли же это обычные варёные яйца, в конце концов, у кого дома их нет?

Сюй Цинхэ ответил:

— Это чайные яйца. Их долго томили в отваре из чайных листьев, так что белок и желток полностью пропитались ароматом. Они гораздо вкуснее обычных варёных.

Без зазываний теперь было никак — иначе люди и впрямь подумали бы, что он торгует простыми варёными яйцами.

За несколько дней торговли Сюй Цинхэ уже привык к жизни уличного торговца, поэтому, обдумав слова, он откашлялся:

— Чайные яйца! Горячие чайные яйца!

В прошлой жизни он был южанином, поэтому в его речи звучала та самая мягкая неторопливость, свойственная речуге Цзяннани. Концы фраз слегка взлетали вверх, и зазывание звучало звонко и приятно для слуха.

Окружающие и так уже улавливали аппетитный запах, а стоило им услышать этот голос, как у них и вовсе зачесались руки.

Один разносчик с коромыслом через плечо подошёл поближе и подозрительно оглядел Сюй Цинхэ:

— Молодой господин, а твои яйца и правда вкусные?

Жители города Ганьцюань славилась бережливостью и не спешили разбрасываться деньгами. Сюй Цинхэ понимал их и не сердился. Он очистил одно чайное яйцо, разломил его пополам и протянул половинку торговцу:

— Братец, отведай. По семейному рецепту приготовлено, в других местах такого вкуса не найдёшь.

Разносчик с сомнением взял угощение, надкусил — и его глаза мгновенно округлились.

Белок оказался упругим и нежным, всюду разливался аромат чая, солоноватый вкус приятно сочетался с лёгкой сладостью, а желток таял во рту, будучи нежным и рассыпчатым, но совсем не першил в горле.

Поистине вкусно! Разве это не намного лучше обычных варёных яиц?

Он тут же поинтересовался ценой.

— Три вэня за штуку, пять вэней за пару, — ответил Сюй Цинхэ.

Он уже всё подсчитал: себестоимость одного чайного яйца составляла чуть больше одного вэня, так что даже при продаже по две штуки за пять вэней с каждого яйца выходило чуть больше вэня чистой прибыли. Пусть это и немного, но подобный товар брал оборотом. День за днём, понемногу — так и мелкие монеты могли превратиться в большое богатство.

К тому же он вовсе не собирался всю жизнь торговать одними лишь чайными яйцами, считая это лишь ступенью.

Его ждало еще столько разнообразных закусок.

Пока он размышлял о грандиозном плане заработка, разносчик тоже производил в уме расчеты. Цена в пять вэней за пару показалась ему вполне сносной, и он, доставая деньги, произнёс:

— Заверну-ка мне пару... Нет, давай на десять вэней.

— Сделано!

Сюй Цинхэ в отличном настроении отсчитал четыре яйца.

В этот раз он вышел на рынок в спешке, прихватив с собой лишь корзину с яйцами, и даже не позаботился о сопутствующих мелочах — у него не было даже того, во что можно завернуть чайные яйца... Пожалуй, подошли бы листья лотоса?

Сюй Цинхэ решил обязательно взять их в следующий раз.

Впрочем, даже без листьев лотоса торговля чайными яйцами пошла успешно, и вокруг его прилавка быстро толпа народа.

— Дай парочку, отведать.

— Молодой господин, оставь несколько штук для моего ребёнка!

— Не толкайтесь, не толкайтесь, я первый подошёл!

Яйца в корзине таяли на глазах, а медные монеты со звоном падали в кошель Сюй Цинхэ.

На душе Сюй Цинхэ был готов расцвести от радости, но он всё же сдерживал уголки губ, изо всех сил стараясь выглядеть не слишком воодушевленным.

Богатство нельзя выставлять напоказ, излишняя радость ни к чему.

Напротив, слегка покачивая недавно купленным веером из веерной пальмы, неторопливо прогуливалась по рынку Ван Цзиньфэн, за которой семенили несколько подлизывавшихся к ней соседок.

Сегодня она специально нарядилась в новое тёмно-бордовое платье, а в пучок волос была вотщена модная шелковая цветочница. Пусть ткань и не относилась к первосортным, в здешних деревенских краях это выглядело весьма достойно.

Госпожа Ли подошла поближе и принялась льстить:

— Сестрица Цзиньфэн, я слышала, твоего второго сына на днях снова хвалил учитель? Говорят, его сочинения просто превосходны!

Уголки рта Ван Цзиньфэн приподнялись, она прикрыла лицо веером и с напускной скромностью произнесла:

— Цзиньи просто усерден в учебе, целыми днями просиживает за книгами до глубокой ночи, и никак его не остановить.

— По мне так всё дело в том, как ты, сестрица Цзиньфэн, его воспитываешь, — подхватила старуха Чжан. — Пусть он и не родной тебе, но куда лучше любого кровного сына! Не то что старший в семье Лу: сидит в своем облезлом дворике и даже учёной степени не заработал.

На душе у Ван Цзиньфэн стало легко и приятно, однако на словах она принялась притворно вздыхать:

— Ваньтин упрям нравом, не слушает советов и непременно захотел отделиться и жить отдельно. Впрочем, лишь бы ему было хорошо на душе, тогда и я, как мать, смогу успокоиться.

Говорила она так, а про себя злобно усмехалась.

Хорошо на душе?

Другие, может, и не знали, но ей-то было известно: ее покойный муж перед смертью заложил старый родовой дом игорному дому. Пожалуй, не пройдет и нескольких дней, как у Лу Ваньтин не останется даже крыши над головой.

Узнав об этом, Ван Цзиньфэн испытала жгучее злорадство.

Старый дом и так не должен был достаться сынку того пьянчуги-неудачника, а теперь, раз уж всё проиграно в карты, это даже к лучшему — ей не придется тратить силы на борьбу за него.

Едва она подумала об этом, как впереди послышался шум, и оттуда донесся слабый аромат чая.

Ван Цзиньфэн нахмурилась:

— Что это за запах? До чего же аппетитный.

Госпожа Ли встала на цыпочки и принялась высматривать:

— Похоже, кто-то продает какие-то яйца... Лицо у того малого незнакомое, уж не переехал ли кто новый?

Прищурившись, Ван Цзиньфэн увидела посреди толпы миловидного юношу, который с улыбкой передавал людям чайные яйца.

Непонятно почему, но сердце ее вдруг тревожно ёкнуло.

Старуха Чжан задумчиво посмотрела вперед:

— А мне почему-то кажется, что этот продавец яиц подозрительно похож на того мужчину-жены, которого Лу Ваньтин взял в дом на днях?

Не успела она договорить, как госпожа Ли легонько толкнула ее локтем в бок. Сообразив, что сболтнула лишнего, старуха виновато захлопнула рот.

Ван Цзиньфэн не подала виду. Она расправила воротник, напустила на лицо ласковую улыбку и направилась к прилавку Сюй Цинхэ с чайными яйцами.

— До чего же ароматный запах! Не подскажешь, молодой господин, что за диковинку ты продаешь?

Сюй Цинхэ как раз опустил голову, заворачивая покупателю чайное яйцо, но на звук поднял взгляд. Увидев прилично одетую женщину среднего возраста, он вежливо произвел:

— Матушка, это домашние чайные яйца, отведаете?

Ван Цзиньфэн не ответила ни да, ни нет. Прикрыв рот платком, она с жалостливым видом оглядела Сюй Цинхэ:

— Тьфу ты, какая нежная кожа, с чего это тебе сразу после свадьбы приходится браться за хозяйство и зарабатывать на жизнь? Как же это тяжело.

Госпожа Ли тут же всё поняла и поддакнула:

— И то верно! Разве может молодая жена в первый же месяц показываться на людях? Сестрица Цзиньфэн — истинная мать, душа у нее болит за ребенка.

Желая искупить недавнюю оплошность, старуха Чжан пошла еще дальше и с напускной заботой произнесла:

— Молодой господин, верно, не знает? По нашим обычаям, молодая жена на третий день после перешагивания порога обязана преподнести чай свекрови.

Сказав это, она многозначительно покосилась на Ван Цзиньфэн.

Сюй Цинхэ запутался от такого напора.

Свекровь?

Кто?

Он бросил взгляд на окруженную людьми женщину среднего возраста и внезапно всё понял.

А, вот оно что.

Появилась та самая легендарная мачеха.

Ван Цзиньфэн вовремя изобразила некоторую горечь и, натянув улыбку, промолвила:

— Ребенок молод и неразумен, я не виню его.

Она протянула руку и легко похлопала Сюй Цинхэ по тыльной стороне ладони. На мгновение задержавшись на нежной и гладкой коже юноши, она продолжила:

— Ваньтин все эти годы даже по праздникам не желал возвращаться проводить меня, и ладно бы, но ведь даже о таком великом событии, как свадьба, не соизволил известить. На душе у меня от этого скребут кошки. Пусть я и не родная мать Ваньтину, но вырастила его, так что материнские чувства ко мне никто не отменял.

Окружающие женщины переглянулись, и кто-то уже начал шептаться о несыновей почтительности.

Сюй Цинхэ мысленно закатил глаза.

Что за бред они несут, почему это напоминает какой-то дешёвый фарс?

Играть в драму собрались? Что ж, он тоже может начать.

Не меняя выражения лица, Сюй Цинхэ вытащил руку из-под ладони Ван Цзиньфэн, озарил лицо мягкой и совершенно невинной улыбкой и легко вздохнул:

— Эта матушка совершенно права, по совести говоря, следовало бы заблаговременно нанести визит свекрови. Но муж сказал, что семья нынче погрязла в долгах перед игорным домом, и он

побоялся, что из-за него старшие будут переживать, потому и не осмелился явиться на порог.

Он мысленно перебрал все печальные моменты из обеих жизней, и на его глазах тут же выступила тонкая пелена слёз, делая его вид жалостливым и вызывающим сочувствие.

— Раз уж я вышел замуж за Ваньтина, то обязан делить с ним и радости, и горести. Пусть торговля этими чайными яйцами и невелика, но медяк к медяку — всяко лучше, чем заставлять старших доставать с трудом накопленные деньги, чтобы выручать нас.

Речь оборвалась на полуслове, оставив лишь исполненный недосказанности вздох.

Толпа зевак мгновенно зашумела.

Игорные долги? И такое бывает?

Тут и гадать нечего, наверняка это дело рук того никчемного отца Лу Ваньтина и Лу Цзиньи.

Судя по его словам, выходит, Лу Ваньтин из-за собственного отца погряз в долгах, и теперь ему приходится горбатиться вместе с молодым супругом, чтобы расплатиться.

Если подумать, Лу Цзиньи со своей матерью, судя по всему, легко избежали этой напасти.

Мало того, что они и так поживились за чужой счет, так еще и Ван Цзиньфэн прибрала к рукам немало имущества старого Лу. И после этого, будучи старшей в роду, она не только не помогла Лу Ваньтину хоть капельку, но еще и публично придиралась к его новоиспеченному супругу — это выглядело уже совсем бессовестно.

Лицо Ван Цзиньфэн в толпе окаменело.

Она никак не ожидала, что этот кроткий на вид юноша окажется обладателем острого языка, умело ранящего скрытыми кинжалами.

Вот же зубастый лисёнок!

Заметив смену выражения на ее лице, Сюй Цинхэ мысленно усмехнулся, достал из корзины чайное яйцо и протянул ей:

— Не отведаст ли матушка? Эти яйца сварены в чае, говорят, они лучше всего охлаждают жар.

Глядя на его изогнутые в полумесяцы брови и предельно добродушное выражение лица, Ван Цзиньфэн разъярилась еще сильнее. Однако отступать было уже некуда, и ей пришлось протянуть руку и взять яйцо.

Она уже собралась его очистить, как услышала голос Сюй Цинхэ:

— С вас три вэня.

Ван Цзиньфэн замерла: «...»

Он что, и с нее решил деньги содрать?!

В этот самый момент из-за спин толпы донесся звонкий девичий окрик:

— Дядя-супруг!

Сюй Цинхэ обернулся и увидел А Юнь, которая неслась к нему словно пестрая бабочка, а следом за ней шагал У Ли с плетеной корзиной для рыбы в руке.

Малышка отличалась общительностью. С первой же встречи она зачислила Сюй Цинхэ в разряд хороших знакомых и теперь крепко обхватила его за ногу, задрав голову и сияя:

— Папа еще издавна сказал, что отсюда вкусно пахнет и кто-то наверняка готовит что-то обьедение! Кто бы мог подумать, что это дядя-супруг!

Сюй Цинхэ с улыбкой погладил ее по голове.

У Ли подошел ближе и поприветствовал Ван Цзиньфэн:

— Вторая тетушка.

Застывшая на лице Ван Цзиньфэн маска вновь ожила:

— Ари пришел? Да еще и с А Юнь.

<http://bllate.org/book/27790/3371321>